

УДК 94.47

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЗЕМСКИХ УЧИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Сайфуллова Разиля Рауиловна, аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории, Елабужский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Казанский (Приволжский) федеральный университет"

Аннотация. В данной научной статье рассмотрены особенности социального статуса земских учителей Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Вятской губернии). В рамках социального статуса рассматриваются материальное, правовое положение учителей и условия труда на фоне глубокого анализа специфики изучаемой эпохи. После земской реформы 1864 г. появились понятия «земство», «земская школа» и «земский учитель», что сильно изменило структуру и форму управления школами Министерства народного просвещения и положение учителей в русской провинции, поскольку многие школы были переданы под управление земств. В связи с этим особое внимание в исторической науке уделяется проблемам статуса школьных учителей в общественной жизни Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., т.е. в пореформенный период. В ходе исследования автор приходит к выводу, что земские учителя Вятской губернии занимали невысокое положение в социальной лестнице в связи со сложным материальным и правовым положением и непростыми условиями труда. Эти обстоятельства приводили к тому, что земские учителя стали вовлекаться в революционные организации и становились их активными участниками. В данной работе приведен глубокий анализ различных опубликованных и неопубликованных исторических источников – делопроизводственной документации, сведений

периодической печати, актовых материалов, статистических сведений.

Привлечение широкого круга исторических источников дало возможность автору определить место земских учителей Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. в социальной иерархии.

Ключевые слова: региональная история; социальный статус; правовой статус; труд учителей; учительство; категории учителей; престиж профессии; земская реформа; земские школы; земский учитель.

THE SOCIAL STATUS OF TEACHERS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF THE XIX BEGINNING OF THE XX CENTURIES (ON MATERIALS OF THE VYATKA PROVINCE)

Saifullova Razilia Rauilovna, graduate student of department of general and national history, Elabuga Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, Elabuga Institute of KFU.

Abstract. In this scientific article features of the social status of territorial teachers of the Russian Empire in the second half of XIX – the beginning of the XX centuries are considered (on materials of the Vyatka province). Within the social status the financial, legal status of teachers and a working condition against the deep analysis of specifics of the studied era are considered. After territorial reform of 1864 there were concepts "zemstvo", "territorial school" and "territorial teacher" that strongly changed structure and the form of government schools of the Ministry of national education and position of teachers in the Russian province as many schools were transferred under management of zemstvos. In this regard the special attention in historical science is paid to problems of the status of school teachers in public life of the Russian Empire in the second half of XIX – the beginning of the XX centuries, i.e. during the post-reform period. During research the author comes to a conclusion that territorial teachers of the Vyatka province held low position in a social ladder in connection with a difficult financial and legal status and difficult working conditions. These circumstances led to that

territorial teachers began to be involved in the revolutionary organizations and became their active participants. The deep analysis of various published and unpublished historical sources is provided in this work – office work documentation, data of periodicals, assembly materials, statistical data.

Key words: regional history; social status; legal status; work of teachers; teaching; categories of teachers; prestige of a profession; territorial reform; territorial schools; territorial teacher.

В современной исторической науке возрос интерес к изучению проблем региональной истории. В центре нашего внимания - социальный статус земских учителей Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Вятской губернии). Акцент сделан именно на земских учителях, поскольку после земской реформы 1863-1864 гг. большинство учебных заведений Вятской губернии были переданы под управление земств.

Социальный статус – это место индивида в иерархически организованной структуре общества. В современном обществе особенно важны такие критерии, как престиж профессии, уровень дохода, продолжительность и качество образования, объем властных полномочий, размер собственности [1, с. 56]. Во второй половине XIX – начале XX вв. при построении социальной иерархии эти критерии также имели место. В связи с этим в данной статье в рамках социального статуса учителей нами рассмотрены их материальное положение (доходы и уровень благосостояния), условия труда, а также те возможности, которые предоставлялись учителям по закону.

В Вятской губернии изучаемого периода существовали различные категории учителей, определяемые в зависимости от пола, возраста, уровня образования.

В статистических сведениях за 1887-1888 учебный год указано, что основную часть педагогических кадров занимали женщины. Так, в городских

школах учительниц и помощниц составляло 76,4 %, в сельских – 82,9 % [2, с. 96].

В статистических сведениях по возрастному составу учительского персонала (в земских училищах Вятского уезда) по состоянию на 1887-1888 учебный год указано, что наибольший процент учителей-мужчин приходится на возраст 22-25 лет [2, с. 96]. Это может объясняться тем, что в данном возрасте мужчины могли быть призваны по рекрутским наборам. Работа в должности учителя освобождала их от действительной службы в мирное время (этот вопрос более подробно будет рассмотрен нами ниже).

Уровень образования учителей земских училищ определялся следующим образом: окончившие полный курс составляли 20 %, окончившие IV класс – 10 %, не окончившие курс 50 %, домашнее образование имели 20 % учителей [2, с. 97]. Эти сведения указывают на то, что учителя, в основном, не имели необходимого образования для того, чтобы заниматься педагогической деятельностью. Данное явление мы связываем с неразвитостью педагогического образования в стране. Также считалось, что человек, умеющий читать и писать и окончивший какой-либо курс, мог заниматься преподаванием в школах.

Обратим внимание на следующий факт. В делах по канцелярии директора народных училищ Вятской губернии мы рассмотрели послужные списки учителей трех временных отрезков. Мы взяли за основу именно эти временные отрезки, поскольку они приходятся на определенные этапы в общественно-политическом развитии Российской империи. Итак, один список приходится на 1820 г., т.е. на время правления Александра I (1801-1825), другой – на 1858 г., т.е. на время правления Александра II (1855-1881). Данные за 1887-1888 гг. представлены в таблице среди статистических сведений, что приходится на время правления Александра III. Вспомним, какие события отличали эти эпохи и определим, как это могло влиять на уровень образования в стране.

Итак, 1820 г. – это последнее пятилетие правления Александра I, отличавшееся поворотом к реакции. Мы знаем, что это время наиболее бурного расцвета общественно-политической мысли, когда будущие декабристы обсуждали в тайных обществах грядущее развитие России. «Дней александровых прекрасное начало» вылилось в так называемую «николаевскую действительность» с усилившимся тотальным надзором и ужесточившейся цензурой и борьбой с любыми проявлениями вольнодумия [3], когда вместо ожидавшегося дарования населению гражданских прав и свобод была объявлена теория официальной народности с тремя столпами: православие, самодержавие, народность [4]. В связи с этим обращаясь к послужным спискам учителей в Вятской гимназии за 1820 г., видим, что учителя из духовного звания составляют 62 %, иностранцы – 25 %, из купеческого звания – 13 % [5, Лл. 9-35].

Эти сведения показывают, что большинство учителей являлись выходцами из лиц духовного звания. Мы считаем, что это было напрямую связано с реакционной ситуацией в стране. С целью «уберечь» детей от влияния идей вольнодумцев, к преподаванию в большинстве своем допускались лица из числа духовенства. К тому же это облегчало деятельность Министерства Народного просвещения и Духовных дел по контролю школ с целью пресечь распространение идей вольнодумцев и «поддерживать существующий порядок в стране» [6, с. 536].

Рассмотрим другой период – время правления императора Александра II, выдающегося реформатора, в период правления которого были проведены важнейшие преобразования: отмена крепостного права 1861 г. [6, с. 568], реформа в области просвещения 1860-1863 гг., судебная реформа 1864 г., городская, земская реформы 1863-1864 гг. [6, с. 577], военная реформа 1874 г. [6, с. 577]. Наибольший интерес для нас представляет реформа народного просвещения, поскольку именно в этот период дети из низших сословий получили возможность продолжать образование. Стали открываться

приходские школы, гимназии и прогимназии, куда был открыт доступ детям без сословных различий. Был принят новый университетский Устав 1863 г. – университеты получили автономию [7]. Реформаторская деятельность Александра II указывает на то, что правительство постепенно стало отходить от реакции. В связи с этим обратимся к послужному списку учителей за 1858 г., в котором представлены учителя различных сословий: мещане – 36 %, духовенство – 18%, дворяне – 18 %, офицерские дети, казаки и иностранцы составляют вместе 28 % [8, Лл. 10-45].

Данные цифры показывают, что большинство учителей относилось к сословию мещан, что, по нашему мнению, является свидетельством того, что правительство отказалось от реакции и не препятствовало поступлению на должность учителей лиц из недуховного звания.

Обратимся к следующему из указанных периодов – ко времени правления Александра III. Александр III после убийства народовольцами 1 марта 1881 г. отца не желал продолжать реформы. Одним из наиболее известных законов Александра III был циркуляр «О кухаркиных детях» 1887 г. [9, с. 369]. В нем предписывалось, что детям из низших сословий нет необходимости стремиться к получению среднего и высшего образования. Кроме того, многие идеологи самодержавия (Победоносцев К.П., Катков М.Н.) считали, что светских учителей необходимо устранить от дела преподавания, т.к. «все, что способно было просвещать народ, являлось опасным и недопустимым» [10, с. 58-59].

В 60-80-е гг. XIX в. активизировали свою деятельность различные политические кружки и организации, имеющие в своей основе идеи марксизма и анархизма, получил широкое распространение индивидуальный террор. По нашему мнению, одним из результатов поворота к реакции могут служить следующие сведения. Согласно данным за 1887-1888 учебный год по сословной принадлежности учителя распределялись следующим образом: учителей из числа духовенства представлено 38 %, из дворян, чиновников и

почетных граждан – 36 %, из мещан – 16 %, из крестьян и солдатских детей – 5%, из купцов – 3 % [2, с. 98].

Как видно из представленных показателей, в земских училищах Вятского уезда преподавателей и помощников из числа духовенства было большинство. Одним из явных последствий этого явления стала низкая успеваемость учеников и общая безграмотность населения губернии.

Основываясь на предложенных характеристиках учителей, перейдем к описанию их социального положения.

При анализе источников, которыми мы располагаем, по изучаемой проблеме, можно сделать вывод, что социальное положение учителей в Вятской губернии было непростым. Отсюда, по нашему мнению, исходила проблема «повального бегства учителей из школ» [11, с. 52], одной из главных причин которой служило тяжелое материальное положение учителей.

Так, учитель Успенского приходского училища Сергей Смарагдов подал прошение от 29.04.1842 г. на имя штатного смотрителя Ивана Кувшинского об увольнении его из учебного ведомства вследствие ограниченного жалованья по занимаемой должности [12, л. 1]. В докладе Котельнической земской управы 1868 г. указано: «Наставники сельских училищ получают содержание в год не свыше 100 руб. Учитель городского приходского училища 114 руб. 40 коп. в год, его помощник – 75 руб. и законоучитель 28 руб. 60 коп.» [13, с. 36].

В делопроизводственной документации встречались прошения об увеличении жалованья или выдаче единовременного пособия из-за недостаточности заработной платы. Приведем некоторые из них. Докладная записка учителя Котельнического приходского училища М. Хохлова: «С 1 января 1868 г. городское приходское училище состоит в ведении Земства, которое мне, как учителю, назначило жалованье 220 руб. в год с квартирою,

ныне же я нахожусь вынужденным просить Собрание Земства увеличить мне оклад жалованья по усмотрению Земского Собрания» [14, с. 247].

Наиболее ярко демонстрируют трудности в материальном положении учителей вятские газеты. Одной из таких газет является «Вятская речь». Так, в № 262 от 9 декабря 1915 г. раскрыто содержание прошения группы учительниц Малмыжской Земской Управе: «Жизнь вздорожала. За каждую вещь приходится платить вдвое-втрое дороже, чем раньше. Цены на предметы первой необходимости с каждым днем растут все больше. Сахар с 20 коп. поднялся до 35 и даже до 40, фунт простого мыла стоит 35 коп., фунт хлеба 10 коп. и т.д. дороговизна жизни повысила и цены на труд: если раньше поденщик получал 30 коп., теперь получает рубль, если получал рубль, теперь получает два. Увеличили жалованье служащим правительство, земство и частные предприятия, остались забытыми только одни учащие. Вторая учительница за исключением различных вычетов в настоящее время получает 26 руб. 20 коп. в месяц, следовательно, 87 коп. в день, прожить на которые очень трудно» [15, с. 3]. В «Вятской речи» за № 270 от 13 декабря 1911 г. сообщается о том, что в одну из больниц Яранского уезда поступила пациентка с сильным малокровием, которое было развито вследствие голодания при усиленных занятиях в школе. Оказалось, что пациентка работала помощницей учительницы в церковной школе и получала жалованья 10 рублей в месяц [16, с. 3]. Как показывают газетные статьи и прошения учителей, этих денег было крайне недостаточно, чтобы выжить, с учетом того, что необходимо было питаться каждый день, хотя бы изредка обновлять гардероб и выписывать необходимую литературу для работы.

Следующим показателем социального статуса нами выделены условия труда вятских учителей. Наиболее яркий пример из трудовой повседневности учителей – работа в сельских заокптелых избах. Одна из сельских школ Уржумского уезда помещалась в подобной крестьянской избе. Опишем ее: площадь избы-школы 8x8 ар. (5,4x5,4 м), высота $3\frac{1}{4}$ ар. (2,1 м), окна –

«свиные глазки» 1 ар. (0,7 м), помещается 58 человек, вентиляция естественная – дверь [17, с. 4]. Автор статьи пишет, что работать и учиться в таких условиях было невыносимо, к тому же «последние уроки сопровождались массовой рвотой, головокружениями и другими последствиями отравления испорченным воздухом» [17, с. 4]. Приведем другой пример со слов бывшей учительницы Нижне-Боярской школы: «Мой класс помещался в наемном здании с хозяйским отоплением и уходом. То была большая изба с тремя крошечными оконцами. Чтобы поместить около 50 учащихся, пришлось почти вплотную сдвигать парты. В классе было темно, душно, грязно. Хозяин не хотел даже сделать одну форточку. «Не буду потакать твоим капризам, портить раму и студить избу». Два раза в неделю хозяева пекли в помещении хлеб, рано закрывали печь. Что им: они жили в другой избе, весь угар доставался нам. Откроем дверь, хозяева кричат: «Закрой дверь! А то не будем топить! Зачем выпускаешь тепло?». В избе была уйма тараканов. Они падали с потолка на тетради, ползали по головам и одежде ребят. Я просила хозяев: «Давайте зимой тараканов выморозим, пусть и пропустим денек-другой занятий». «Ишь что выдумала, будем для тебя студить избу». Приезжал член земской управы. На мои просьбы – сделать форточки, договориться с хозяевами, чтобы хлеб пекли в своей избе и отоплять класс земскими дровами – ответил: «Не нравится, не держим»» [18, с. 2].

Особенности правового статуса земских учителей помогают раскрыть архивные документы. Среди делопроизводственной документации нами найдены прошения учителей об освобождении от воинской повинности. Действительно, согласно Уставу «О воинской повинности» от 1 января 1874 г. [19], лица, преподающие в учебных заведениях, освобождаются от действительной службы в мирное время, чем воспользовались действующие учителя. Так, Кайгородский учитель Иван Ончуков в своем прошении инспектору народных училищ от 24.09.1885 г. пишет: «Имею честь

почтительнейше просить Ваше Высокородие выслать в Слободское уездное по воинской повинности присутствие удостоверение в том, что я не оставил службу учителя, а потому на основании пункта 3 ст. 1,3 Устава о воинской повинности, имею право быть освобожденным от действительной службы в мирное время, с зачислением в запас армии [20, л. 14]. Преподаватель Закона Божьего в приходских училищах 1 и 2 мужских, 1 женском и Хлыновском Алексей Спасский в аналогичном прошении от 2.11.1885 г. пишет: «Имею честь покорнейше просить Ваше Высокородие представить в Вятское уездное по воинской повинности присутствие удостоверение в том, что я состою на службе, избавляющей меня от отбывания означенной повинности» [20, л. 25].

Учителя, занимающиеся своей профессиональной деятельностью в течение продолжительного времени, могли быть переведены из податного состояния. Таким правом воспользовался исправляющий должность учителя истории и географии Сарапульского уездного училища Иван Тарбьев, который дал расписку о том, что «обязуется по исключении его из податного состояния и по утверждении действительным учителем, прослужить в учебном ведомстве не менее шести лет» [21, л. 11]. Однако такие случаи были редкостью. Чаще всего подобные прошения получали отрицательный ответ. Так, мещанин Михаил Косарев, окончивший курс гимназии, обратился с подобной просьбой в Дирекцию Вятских училищ и получил отказ по следующим основаниям: «Общество состоит из небольшого количества душ; за М. Косаревым состоит очередь исполнить рекрутскую повинность» [22, л. 88].

Таким образом, описав характеристики земских учителей Вятской губернии, мы рассмотрели их социальный статус в трех контекстах. С одной стороны – материальное положение учителей, с другой – условия труда, с третьей – их правовой статус. Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что учителя в иерархически организованной лестнице российского

общества второй половины XIX – начала XX вв. занимали невысокое положение. Доказательством тому могут служить следующие факторы: низкая заработная плата, неблагоприятные условия труда, не вполне обеспеченная возможность пользоваться своими гражданскими правами. Последнее мы связываем с тем, что не все учителя могли подавать прошения о переходе из податного состояния или об освобождении от действительной военной службы в результате различных причин (неосведомленность самих учителей, сложность в передаче прошений именно по адресу и т.д.), а также в связи с тем, что посылаемые прошения не всегда получали положительный ответ.

По нашему мнению, неудовлетворенность земских учителей своим социальным положением приводила к тому, что к концу XIX – началу XX вв. они начинали активно включаться в политическую деятельность, чему также способствовала предреволюционная ситуация в стране.

Библиографические ссылки

1. Шкаратан О.И. Социология неравенства: теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 356 с.
2. Статистические сведения о состоянии земских училищ Вятского уезда за 1887-88 учебном году. Вятка: Издание Вятского уездного земства, 1889. 185 с.
3. Николай I [Электронный ресурс]. URL: <http://www.encyclopaedia-russia.ru> (дата обращения: 19.02.2015).
4. Смолин М. Теория официальной народности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusizn.ru> (дата обращения 19.02. 2015).
5. Государственный архив Кировской области (далее ГАКО). Ф. 205. Оп. 5. Д. 31 (Послужные списки училищных чиновников Вятской дирекции). 35 л.

6. Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций. Т.3. Минск: Харвест, 2003. 592 с.

7. Томсинов В.А. Подготовка и проведение университетской реформы 1863 года [Электронный ресурс]. URL: http://tomsinov.com/Great_Reforms. (дата обращения: 20.02.2015).

8. ГАКО. Ф. 205. Оп. 5. Д. 66 (Формулярный список служащих вятских училищ). 45 л.

9. Степанищев А.Т. История России. М.: Владос, 2008. 406 с.

10. Першина Ю.В. Положение вятского учительства в 1900-1914 гг. // Вятская земля и актуальные проблемы отечественной истории XIX-XX вв.: Сборник научных статей. Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. С. 58-59.

11. Хроника об образовании // Образование. 1901. № 1. С. 52.

12. ГАКО. Ф. 205. Оп. 2. Д. 1251 (Дело об увольнении учителя Успенского приходского училища Смарагдова вовсе из учебного ведомства. 6 л.

13. Результат первого периода действий Котельнической уездной земской управы, выраженной в докладах котельническому уездному земскому собранию и постановления собрания по этим делам. Вятка: Типография Блинова, 1868. С. 36.

14. Докладная записка учителя Котельнического приходского училища М. Хохлова // По-становления Котельнического земского собрания IV очередной сессии, Доклады оному Котельнической земской управы за 1870 г. – Вятка: Типография Анисимовых и Блинова, 1871. С. 247.

15. Осмелились // Вятская речь. 1915. № 262. С. 3.

16. По губернии // Вятская речь. 1911. № 270. С. 3.

17. По губернии (Уржумский уезд) // Вятская речь. 1909. № 78. С. 4.

18. Народный учитель в дореволюционной России (воспоминания учителя-пенсионера) // Халтуринская правда. 1957. № 69. С. 2.

19. Устав о воинской повинности 1874 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://imha.ru/1144523930-ustav-o-voinskojj-povinnosti> (дата обращения: 15.02.2015).

20. ГАКО. Ф. 206. Оп. 1 . Д. 152 (Прошения лиц о высылке аттестации для поступления на должность учителя, о выдаче пенсии или об освобождении от воинской повинности). 25 л.

21. ГАКО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1173 (Дело об исключении исправляющего должность учителя истории и географии Сарапульского уездного училища из податного состояния и о утверждении его настоящим учителем). 11 л.

22. ГАКО. Ф. 205. Оп. 1 . Д. 661 (Прошение Михаила Косарева об исключении из купеческого звания). 92 л.

REFERENCES

1. Shkaratan O. I. Sotsiologiya of an inequality: theory and reality [Sotsiologiya neravenstva: teoriya i real'nost'] Moscow.: Prod. house of Higher School of Economics, 2012. 356 p. (in Russ.).
2. Statistical data on a condition of territorial schools of the Vyatka district for 1887-88 academic year [Statisticheskie svedeniya o sostoyanii zemskikh uchilishch Vyatskogo uezda za 1887-88 uchebном godu]. Vyatka: Edition of the Vyatka district zemstvo, 1889. 185 p. (in Russ.).
3. Nicholas I. [Nikolay I]. URL: <http://www.encyclopedia-russia.ru> (date of the address: 19.02.2015). (in Russ.).
4. Smolin M. Theory of an official nationality [Teoriya ofitsial'noy narodnosti]. URL: <http://www.rusizn.ru> (date of the address 19.02. 2015). (in Russ.).
5. State archive of the Kirov region (further ГАКО). [Gosudarstvennyy arkhiv Kirovskoy oblasti]. Fund 205. Inventory 5. Business 31. (Track records uchilishchnykh of officials of Vyatka management). 35 sheets. (in Russ.).

6. Klyuchevsky V. O. Russkaya history: Full course of lectures [Russkaya istoriya: Polnyy kurs lektsiy.] Minsk: Kharvest, 2003. 592 p. (in Russ.).
7. Tomsinov V.A. Preparation and carrying out university reform of 1863 [Podgotovka i provedenie universitetskoy reformy 1863 goda]. URL: http://tomsinov.com/Great_Reforms. (date of the address: 20.02.2015). (in Russ.).
8. GAKO. Fund 205. Inventory 5. Business 66. (The official list of the serving Vyatka schools). 45 sheets. (in Russ.).
9. Stepanishchev of A.T. Istoriya of Russia. Moscow.: Vlados, 2008. 406 p. (in Russ.).
10. Pershina Yu.V. The provision of a Vyatka teaching in 1900-1914. The Vyatka earth and actual problems of national history of the XIX-XX centuries [Polozhenie vyatskogo uchitel'stva v 1900-1914 gg.]. Collection of scientific articles. Kirov: VGPU publishing house, 1999. Pp. 58-59. (in Russ.).
11. The chronicle about education. – Education. 1901. no. 1. p. 52. (in Russ.).
12. GAKO. Fund 205. Inventory 2. Business 1251 (Case of dismissal of the teacher of Uspensky parish school Smaragdov at all from educational department. 6 l. (in Russ.).
13. Result of the first period of actions of the Kotelnichesky district territorial justice expressed in reports to kotelnichesky district territorial meeting and resolutions of meeting on these affairs [Rezultat pervogo perioda deystviy Kotel'nicheskoy uezdnoy zemskoy upravyy, vyrazhennoy v dokladakh kotel'nicheskomu uezdnomu zemskomu sobraniyu i postanovleniya sobraniya po etim delam]. Vyatka: Blinov's printing house, 1868. p. 36. (in Russ.).
14. The report of the teacher of Kotelnichesky parish school Mikhail Khokhlov [Dokladnaya zapiska uchitelya Kotel'nicheskogo prihodskogo uchilishcha M. Khokhlova] – Resolutions of Kotelnichesky territorial meeting of the IV regular session, Reports to it the Kotelnichesky territorial justice for 1870 – Vyatka: Printing house of Anisimov and Blinov, 1871. p. 247. (in Russ.).
15. Dared [Osmelilis'] - The Vyatka speech. 1915. no. 262. p. 3. (in Russ.).

16. On the province [Po gubernii] - The Vyatka speech. 1911. no. 270. p. 3. (in Russ.).
17. On the province (the Urzhumsky district) [Po gubernii (Urzhumskiy uezd)] - The Vyatka speech. 1909. no. 78. p. 4. (in Russ.).
18. The national teacher in pre-revolutionary Russia (reminiscence of the teacher pensioner) [Narodnyy uchitel' v dorevolyutsionnoy Rossii (vospominaniya uchitelya-pensionera)] - The Haturinsky truth. 1957. no. 69. page 2. (in Russ.).
19. The charter about a compulsory military service of 1874 [Ustav o voinskoy povinnosti 1874 goda]. URL: <http://imha.ru/1144523930-ustav-o-voinskojj-povinnosti> (date of the address: 15.02.2015). (in Russ.).
20. GAKO. Fund 206. Inventory 1. Business 152 (Applications of persons on dispatch of certification for revenues to the teacher's position, about delivery of pension or about release from a compulsory military service). 25 sheets. (in Russ.).
21. GAKO. Fund. 205. Inventory 1. Business 1173. (Case of an exception of the teacher of history and geography of the Sarapul district school correcting a position from a podatny state and about the approval by his real teacher). 11 sheets. (in Russ.).
22. GAKO. Fund 205. Inventory 1. Business 661. (Mikhail Kosarev's application on an exception of a merchant rank). 92 sheets. (in Russ.).

Информация об авторе

Сайфуллова Разиля Рауиловна, аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории, Елабужский институт (филиала) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Казанский (Приволжский) федеральный университет".

Rasilya91@yandex.ru.

Information about the author

Saifullova Razilia Rauilovna, graduate student of department of general and national history, Elabuga Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, Elabuga Institute of KFU, Elabuga Institute.

Rasilya91@yandex.ru.